

XXXII

**Е Ж Е Г О Д Н А Я
БОГОСЛОВСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

МАТЕРИАЛЫ

УДК 27-1(058)
ББК 86.372я5
Е36

Главный редактор
Протоиерей Владимир Воробьев, профессор,
канд. физ.-мат. наук

Редколлегия:

А. В. Агеева, канд. пед. наук
А. В. Анашкин, канд. филол. наук
А.И. Грищенко, д-р филол. наук
А.Н. Гуня, д-р геогр. наук, профессор
М. Ю. Десятова, канд. филол. наук, доцент
Е. Р. Добрушина, канд. филол. наук, доцент
прот. А. Емельянов
Т. В. Зальцман, канд. ист. наук, доцент
В. С. Макаров, канд. филол. наук
И. Е. Мельникова, канд. техн. наук
Н. Н. Павлюченков, канд. богословия, канд. филос. наук, доцент
свящ. А. Постернак, канд. ист. наук, доцент
И. С. Редькова, канд. ист. наук
О. Н. Соколова, канд. искусствоведения
И. А. Хангиреев

Е36 **XXXII Ежегодная Богословская конференция** Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2022. — 260 с.

ISBN 978-5-7429-1477-8

Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета является его главным научным форумом. Она объединяет ученых, богословов, специалистов в самых разных областях научного знания.

Работа XXXII Богословской конференции проходила в рамках осенней (осень 2021 г.) и зимней (зима 2022 г.) сессий. В ней приняли участие представители профессорско-преподавательской корпорации ПСТГУ, ученые и исследователи из других вузов, научных организаций, учреждений культуры Российской Федерации, а также из зарубежных стран.

УДК 27-1(058)
ББК 86.372я5

ISBN 978-5-7429-1477-8

© Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2022

<i>Ключарева А. В.</i> Статья Л. Н. Толстого «О благотворительности», из опыта благотворительной деятельности писателя.	165
<i>Зейферт А. А.</i> Материалы Ярославских епархиальных ведомостей, посвященные благотворительности, как инструмент консолидации приходского духовенства Ярославской епархии	168
<i>Сингх С. С.</i> Особенности передачи пожертвований общинам горы Афон моряками российского флота в конце XIX — начале XX века (опыт исследования).	170
<i>Козловцева Е. Н.</i> Роль доктора В. Н. Штурма в создании Серафимовского комитета Российского общества Красного Креста	172

Церковь и общество в Средние века и Новое время

<i>Анисимова А. А.</i> Участие монастыря в религиозной жизни своих горожан (на примере английских монастырских городов).	176
<i>Родин И. В.</i> Французские католики и общественное движение мая–июня 1968 года	179
<i>Потехина И. П.</i> Административно-финансовая система средневекового папства: к вопросу о степени изученности темы и перспективах дальнейшего исследования	183

Германская филология

<i>Dryden L.</i> Robert Louis Stevenson and the Edinburgh of the Imagination.	186
<i>Milbank A. G.</i> “When Things are in Danger, Someone Must Give Them Up”: Redemption and Ecology in Tolkien’s Legendarium	188
<i>Писарев Л. В.</i> Отражение концепций прерафаэлитов в романе Г. К. Честертона «Возвращение Дон Кихота»	191
<i>Аксенов А. В.</i> Образ аутсайдера в новеллистике американского романтизма: к типологии романтического героя.	194
<i>Макаров В. С.</i> «Религиозная меланхолия» в «Анатомии меланхолии» Роберта Бертона	196
<i>Гайдин Б. Н.</i> Особенности шекспировских адаптаций Георгианской эпохи (на примере творчества Д. Гаррика)	198
<i>Мороз Н. А.</i> «Воображаемый Запад»: советские киноадаптации американской научной фантастики	201
<i>Беляева В. Е.</i> Персонажи К. Воннегута в диалоге с Создателем.	204
<i>Чукарькова О. В.</i> Репрезентация концептов “community” и “parish” в современных англоязычных текстах (на материале православных интернет-сайтов)	206
<i>Шарапкина А. А., Манерко Л. А.</i> “Moral rectitude” и “moral rule” в философии Дж. Локка: терминологический аппарат описания моральной ответственности “In Statu Nascendi”	209
<i>Варёшин Н. В.</i> Роль трагедии У. Шекспира «Гамлет» в сюжетообразовании рассказа Г. Свифта «Химия»	212
<i>Щеголяев А. А.</i> Августин Кентерберийский и император Маврикий: истоки латинской миссии в Британии	214

Актуальные проблемы романской филологии

<i>Десятова М. Ю.</i> Мир Африки в португальскоязычной литературе и трудности перевода (на примере романа Паулины Шизиане “Balada de amor ao vento”)	217
<i>Приходько К. О.</i> Трансформация мифа об Актеоне в элегии XLIII из сборника «Рифмы» Пернетты дю Гийе	221
<i>Теплякова Д. О.</i> “Viaus amis Jouglet”: о функциях жонглера в романе Жана Ренара «Гильом де Доль»	224

СЕКЦИЯ «ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

*Аксенов Алексей Валерьевич,
канд. филол. наук
(ПСТГУ)*

ОБРАЗ АУТСАЙДЕРА В НОВЕЛЛИСТИКЕ АМЕРИКАНСКОГО РОМАНТИЗМА: К ТИПОЛОГИИ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

А. В. Аксенов

В работе обсуждается проблематика новелл «Уэйкфилд» Н. Готорна и «Писец Бартлби» Г. Мелвилла в аспекте романтической характерологии. По мнению автора, протагонистов обеих новелл можно выделить в особый тип по признаку их немотивированного и саморазрушительного отказа от своего места в социуме. В докладе новеллы рассмотрены в контексте американского и русского романтизма, а также их последующей рецепции в XX веке.

Ключевые слова: Готорн, Мелвилл, американский романтизм, романтический герой, американская литература, типология

Понятие «романтический герой» в европейском культурном сознании чаще всего совпадает с понятием «байронический герой». Черты такого героя превратились в штампы еще в XIX веке и вряд ли нуждаются в повторении.

Но не менее значим для романтизма и герой-художник, творческая личность — живописец, поэт, музыкант. Как и байронический герой, он не понят и отвергаем обществом, но не по причине своего мятежа или преступления, а из-за духовной слепоты самого общества, равнодушия «толпы» к высоким устремлениям героя. В результате он предстает нелепым чудачком, неудачником, не приспособленным к жизни. При этом за художником признается нравственное и духовное превосходство над миром.

Наконец, встречаются в литературе романтизма и, так сказать, «святые» герои — дети, юродивые, умалишенные, люди «не от мира сего», при этом не наделенные, как герои-художники, никаким особым творческим даром, ничем не примечательные, не выдающиеся. Но их природная чистота и невинность выделяет их из ряда обычных людей, и эти же самые качества задают и их раннюю гибель — не обязательно насильственную, но обусловленную их чужеродностью несовершенному миру. В этих героях часто видны отсылки к образу Христа.

Таковы типы романтического героя, обычно выделяемые в литературе с некоторыми вариациями [см., напр., 5; 9; 6, с. 110].

Однако в литературе романтизма можно встретить еще один тип героя, не укладывающийся ни в одну из названных схем. Мы обозначим его словом «аутсайдер» и попробуем обрисовать такого героя и связанную с ним проблематику на примере двух новелл американского романтизма. Это «Уэйкфилд» Натаниэля Готорна (1835) и «Писец Бартлби» Германа Мелвилла (1853).

Действие обеих новелл происходит в современном городе, то есть, привычный в романтизме экзотический хронотоп сменяется здесь обыденным, повседневным. Герои повестей — под стать своему окружению: яркая внешность сменяется здесь бесцветной и блеклой, а сильный характер, проявляющий себя деятельно или творчески — характером вялым, посредственным, серым.

Напомним кратко сюжет двух новелл. Уэйкфилд, лондонец лет сорока, проживший десять лет в умеренно счастливом браке, однажды сообщает жене, что едет ненадолго за город по делам, а вместо этого поселяется в съемной квартире на соседней улице, где живет двадцать лет, тайком наблюдая за стареющей женой, а затем возвращается домой как ни в чем не бывало. В повести «Бартлби» нанятый нью-йоркским юристом клерк в какой-то момент вдруг перестает выполнять свои обязанности, на все поручения отвечая одной и той же фразой: «Я бы предпочел отказаться» (“I would prefer not to”). Он также отказывается объяснять причину своего поведения и покидать контору. Наконец, чтобы избавиться от странного работника, юрист сам переезжает в другое помещение, а изгнанный новым хозяином Бартлби как бродяга попадает в тюрьму, где отказывается от еды и умирает от голода.

Таким образом, в обеих новеллах мы видим уклонение героя от своих обязанностей, отказ играть отведенную в социуме роль, причем в обоих случаях это пагубно для самих героев. Уэйкфилд на двадцать лет лишает себя любви и домашнего уюта, резиньяция Бартлби приводит к его физической гибели.

При этом мотивы такого странного поведения героев остаются не до конца разъясненными. Это тоже нетипично: как правило, поведение романтического героя мотивировано, пусть даже в форме намека на мучительную тайну в прошлом. Здесь же внутренний мир героев непроницаем, герметичен. Очевидно, что озвученные в новеллах мотивы — «непомерно раздутое тщеславие» [4, с. 73] в случае Уэйкфилда и «душевное расстройство» [8, с. 51] Бартлби — не удовлетворяют ни самого рассказчика, ни читателей.

Не удивительно, что за полтора века было сделано множество попыток интерпретировать обе новеллы [см. напр., 1; 2]. Так, уход Уэйкфилда из дома можно считать бунтом против «буржуазного» брака, хотя, с другой стороны, его брак — не сословный, не вынужденный, не безлюбивый. Поведению Бартлби предлагались объяснения от медицинских (аутизм, депрессия) и символических (Бартлби — это образ самого Мелвилла) до курьезных (предположение, что Бартлби — вовсе не человек, а автоматон, робот [6]). Конечно, на поверхности лежит все тот же романтический протест против буржуазного мира денег и деловых расчетов. Однако в данном случае этот бунт — пассивный и одновременно «бессмысленный и беспощадный» по отношению к самим героям, в которых нет ничего героического.

Таким образом, романтическая тема противостояния индивида и общества предстает в новеллах весьма своеобразно. Здесь нет привычного в романтизме «бунта человека духа, человека искусства против посредственности и бездуховности» [7, с. 86]. Предыстория героев отсутствует, а их настоящее нельзя назвать объективно несчастным: они не бесправны, не угнетены, не отвержены обществом. Наоборот, Уэйкфилд — вполне благополучный житель столицы, имеющий собственный дом и прислугу. К Бартлби общество в лице юриста проявляет живую заинтересованность и сочувствие. То есть, в этих новеллах разворачивается ситуация, в некотором смысле обратная романтической: здесь не герой мучительно ищет свое место в мире, а мир (в лице рассказчика) ищет в себе место для индивида, который это свое место отвергает. Герои — добровольные парии общества, при этом не получающие за свою маргинальность никакой символической компенсации в виде успешной мести, ярких впечатлений или творческого вдохновения. Уэйкфилд и Бартлби стремятся к анонимности, пустоте и неподвижности. Они не утверждают и не отрицают ничего определенного. Они — аутсайдеры даже по отношению к романтизму, и этим парадоксально по-романтически исключительны, ни на кого не похожи. Поведение героев необъяснимо, нелогично даже в рамках романтического противостояния индивида и мира. Обе новеллы тем самым предвосхищают проблематику экзистенциализма и литературу абсурда XX века.

Представляется, что герменевтическим ключом к пониманию загадки Бартлби и Уэйкфилда служит фраза, которую Бартлби повторяет по разным поводам: «Я бы предпочел отказаться». Именно она выражает суть позиции героев как торжества автономной воли,

предельного и последовательного своеволия. Думается, что Уэйкфилд и Бартлби реализуют в своей жизни ту гарантию «своего каприза, когда понадобится», о которой говорит подпольный человек у Достоевского [4, с. 119]. И, парадоксальным образом, полная свобода, индивидуальная автономность, избавление от всякой внешней обусловленности совпадает в опыте «аутсайдеров» с полной несвободой, автоматизмом, смертным оцепенением. Триумф личной воли приводит героев к обезличиванию. По нашему мнению, именно проблема реализации свободы как разрушительного своеволия является центральной в обеих новеллах. В них звучит та критика индивидуализма с этических позиций, которая присутствовала в романтизме с самого его начала.

В заключение отметим, что проблематика двух новелл актуальна не только для XX века, но и для нашего времени, затрагивая такие насущные темы как социальная маргинализация и трудовые отношения в эпоху капитализма, личная свобода и общественный конформизм, проблемы брака и душевного здоровья, психологии городской жизни и благотворительности. Даже ситуация пандемии по-новому поставила проблему социальной активности и бездействия, власти и подчинения, социальной изоляции и коммуникации. Нет сомнения, что образ «аутсайдера» в литературе романтизма будет и дальше вызывать исследовательский и читательский интерес.

Список литературы

1. *Emery A. M.* The Alternatives of Melville's "Bartleby" // *Nineteenth-Century Fiction*. 1976. Vol. 31.No. 2.P. 170–187.
2. *O'Keefe R. R.* The Gratuitous Act in "Wakefield": A Note on Hawthorne's Modernism // *Nathaniel Hawthorne Review*. 1991. Vol. 17.No. 1. P. 17–19.
3. *Готорн Н.* Избранные произведения: в 2 т. Л. : Художественная литература, 1982. Т. 2.
4. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 5.*
5. *Карельский А.В.* Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. Вып. 1: Французская литература XIX века / сост. О.Б. Вайнштейн. М. : РГГУ, 1998.
6. *Косарева А. А.* Писец Бартлби: образ автоматона в американской литературе середины XIX века // *Научный диалог*. 2016. № 8 (56). С. 61–69.
7. *Мелвилл Г.* Собр. соч.: в 3 т. М. : Художественная литература, 1987. Т. 3.
8. *Семенова М. Л.* Лермонтов и Байрон: к вопросу о типологии романтического героя: дисс. ... к.филол.н. М., 2004.
9. *Федосеев Н. Г.* Типология романтического героя в русской литературе // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 9. 2008. Вып. 4. Ч. I. С. 28–39.